

□□□□□□□□«...Их всех точно поглотило безумие. Будто один из «питомцев» Блэкрога вырвался на волю и начал стравливать друг с другом вполне разумных и благовидных людей. Когда явился Алый, в зале творилось нечто неподвластное здравому смыслу. Стоило Альберту упасть замертво, как все вокруг взбеленились. У них на глазах умирал человек! Их правитель! А они... они устроили бойню. После резни, учиненной на улицах Эталаса, было большой ошибкой приглашать этих оскотинившихся вояк на праздник. Да, их спровоцировали (и о чем только думала Розалин?!), но какой наивностью было считать, что они удовлетворятся решением наместника, не попытаются отомстить и свергнуть его! Бедная Лианна и несчастный Лайан! Дети не должны страдать от глупости и жадности взрослых. Что же мы все натворили? Они изуродовали Лианну, маленькую хорошенькую Лианну, которая стала бы отличной партией любому достойному ее мужчине... а теперь? И это в день ее именин! Мы все запутались в своих же интригах...

Резня, учиненная мятежными рыцарями, Лайан, проклинаящий отца за бесчестье перед тем как наложить на себя руки, а потом взрыв... Скольких погубил тот безумец?! А скольких мог бы отправить следом за ними, если бы не Алый? Боги милостивые, после всего того, что случилось при Расколе, мне трудно доверять вашим благим помыслам, но Турм... я верю, что это вы направили его ко мне в трудную минуту, и каждый день своей жизни я буду благодарить вас за это. Не знаю, что он сотворил тогда, как его не разорвало от всей этой силы, но он спас нас, спас нас всех. Более достойного и самоотверженного человека мне не доводилось встречать на своем жизненном пути. Все за свои услуги желали чего-то взамен, даже Дерек. Он видит во мне очередную женщину, которой следует принести в дар трофей с убитого врага, чтобы она в ответ покорно раздвинула ноги. Турм же действует из иных убеждений. Он мягок, у него доброе сердце и взгляд ребенка.

О, какой беспомощной я себя чувствовала, когда тот проклятый болван занес меч над Алым! В моих руках судьбы жителей всего Сиринтора, я рождена от крови Великих Вивернов Авары, и моего расположения ищет сам Эссимар Белый Грифон, но я ровным счетом ничего не могла сделать, чтобы остановить тот клинок! Мне никогда не было настолько дурно, дурно от всего того безумия вокруг, от трупов и запахов, им присущих, и от собственной беспомощности... Турм упал. Его били, рубили и кололи, пока Дерек прорывался к нему с боем. Я сходила с ума от страха... какая нелепость! Если бы не страх, я бы поняла, что он даже не кричит, что все не так просто... а потом он восстал, восстал в крови и пламени, походя на великую огненную птицу из детских сказок или живого бога из старинных преданий. Впервые я увидела в нем ярость, настоящую ярость. Будто бы пламя, к которому он взывал своим колдовством, заговорило сквозь него. Оно же и испепелило тех эталасцев...

Чувства пересилили тогда... я, как влюбленная дурочка, кинулась к Пламенному! От него пахло железом и гарью, когда я прижималась к нему, когда ревела ему в плечо. Кровь и пепел... кругом только кровь и пепел, я никогда не забуду тот бал, не забуду наш побег из кипящего и безумствующего Эталаса. И не забуду слов Турма. Он сказал тогда, что это все только начало, мол, дальше будет хуже, ведь Розалин дала эталасцам повод для войны, и теперь, когда Альберт мертв, эта война все-таки случится. Не забуду я и взгляда Блэкрога, что смотрел на меня тогда, на меня и на Турма, обнимающего мои плечи. В нем тоже зрела ярость, но ярость иного толка. Такая ярость выжигает изнутри и толкает на безрассудные поступки. Ее называют ревностью. И она причиняла мне удовольствие. И беспокойство. А что если Дерек приложил руку к восстанию в Эталасе? Что если именно он, Дерек Блэкрог, глава Тайной Службы Сиринтора, и его агенты виноваты в случившемся?

Доверие... оно чем-то напоминает весенний лед. Один неосторожный шаг, и вот ты уже тонешь в стылой воде. Пожалуй, именно тогда я и допустила до себя мысль о неверности Дерекка. Он ведь действительно мог... а Турм? Турм... мне совсем не хотелось отпускать его тогда. Он внушал чувство безопасности, несмотря на всю ту злобу, что кипела в нем мгновение назад. Мне следовало спросить его... узнать, не ранен ли он, но почему-то я уже тогда понимала, что в этом нет никакого смысла. Боги, в тот миг я действительно верила,

что он непобедим! Нелепая иллюзия, призванная не дать сойти с ума от страха! Людям так свойственно придумывать подобные глупости...

Потом мы шли. Быстро. Зал, тот коридор, где на нас напали, все это оставалось позади. Самообладание возвращалось ко мне. Я просила Алого освободить Розалин и ее выживших соратников – даже несмотря на свое безрассудство, они не заслуживали всего того, что с ними могли сотворить жаждущие отмщения эталасцы, но... Она уже была свободна, Турм за этим и прибыл сюда. Он не сказал напрямую, однако я все поняла. Ему непросто делить верность мне с Конклавом. Он жаждет высокой цели, им движут благородные намерения... благо магии, благо народа! Что Первому Чародею очередной наместник? Конклав превыше всего! Ведь так?

Алый Маг Сиристора будет моим, я хочу, чтобы он был моим, чтобы сохранял верность лишь мне. В конце концов он все же мужчина! Доверие... оно и впрямь напоминает весенний лед...».

Из дневников Элены Термет, законной правительницы Сиристора, главы высшего городского совета.

«История Высокого Волшебства», глава XXI «Алый Маг Сиристора», ч. 2.2.

Он перевернул страницу и устало потер глаза. Маг обязан много знать, а для того, чтобы много знать, магу приходится и много читать. Зачастую очень много. История, сказания, теория чародейства, трактаты о медицине, алхимии и естествознании – все это лишь малая часть того, что полагается изучить будущему чародею, чтобы когда-нибудь покинуть застенки Круга. Он прожил в Чертогах Знаний около шести лет. По мнению большинства членов Наварионского Круга, ему было пятнадцать. Только пять лет назад он стал понимать Общий Язык, три года прошло с тех пор, как он заговорил на нем сам, год назад же освоил наварионское наречье и продемонстрировал свое удивительное знание Древнего, а теперь... теперь читал книги: одну за другой и уже не первую за минувшие сутки. Чтение поглотило мальчишку с головой. Его глаза – светло-карие, почти золотые – изучали строки рукописных творений. Его дух – юный и горячий – трепетал, искренне проникаясь происходящим в скучных сплетениях строк.

Впрочем, скучными они были лишь для тех, кто не находил там своего особенного удовольствия. Существование в Чертогах Знаний совсем не походит на вольную жизнь за их стенами. Мальчишка не мог подобрать подходящего описания для нее, но он точно знал, что жизнь в Круге, вопреки всему, значит спокойствие, безопасность и знания. Множество знаний и чудес на расстоянии вытянутой руки. Многим Чертоги напоминали золоченую клетку, но некоторым они – уютное гнездо. Людей можно понять, ведь у них нет крыльев, но мальчика уязвляло, действительно уязвляло, что те не замечали всего великолепия, окружавшего их изо дня в день. Здесь словно бы застыло Время, словно бы Великая Библиотека Конклава была его домом, и оно, найдя тут тихое пристанище, замолкало и засыпало, свернувшись кольцом.

Потускневшие перья Времени оседали пылью на книгах, его сверкающая чешуйчатая шкура сухо шуршала при каждом случайном сквозняке, а дыхание мерно перелистывало страницы, заставляя все глубже и глубже проникать в суть написанного или начертанного. Златоглазый оглянулся в поисках Времени, но оно так и оставалось незримым. Мальчику давно казалось, что они играют с ним в прятки. Он не мог видеть Время, только чувствовать, слыша удары его сердца в шагах многочисленных посетителей Библиотеки. Узрев вместо тяжело вздымающихся боков, колонны черного мрамора, стремящиеся вверх, в высокий потолок, златоглазый улыбнулся: Время хорошо пряталось, умело скрывая свое присутствие. Иначе и не объяснить, почему никто из сотен обитателей этих залов еще не вышел на его след. Иногда юному магу казалось, что все происходящее

между ним и Временем, их маленький секрет, общая тайна.

Любовно поведя костлявым (точно птичьим) пальцем по шероховатой поверхности пергамента, мальчик улыбнулся еще шире: эта книга дарила ему особую радость. Пробиваясь сквозь века, златоглазый видел, как наяву, Алого Мага Сиринтора.

«... Сиринтор... А ведь когда-то я верил, что нет земель прекраснее моих! Мир за границами Альдана удивителен и многообразен. Даже сейчас, после Раскола... Я все еще привязан к родине, я все так же трепетно люблю свой Синон, свои горы и леса, но Сиринтор... Он очаровывает меня. Впрочем, здесь жарко, куда жарче, чем в Альдане. Утром меня посещает Алый Маг. Он довольно рассудителен для человека. Теперь я понимаю, почему Калеанан столь высоко о нем отзывался. Турм искренне желает мне помочь – я это чувствую. И дело тут не только в вежливости или политике. Этот смертный сочувствует мне. Это не жалость (иначе бы наши встречи давно прекратились), скорее сострадание... то самое о котором так часто теперь говорят жрецы. Каждый день Первый Чародей пробует вернуть мне ясность мысли, сдерживать все то, что одолевает мой разум, но становится только хуже.

Минувшую семидневку я провел в гостевых покоях, прикованный к постели, точно калека. Я упал без сознания во время прогулки и не приходил в себя почти два дня. Все это время Алый оставался со мной. Я почти уверен, что именно он и вывел меня из того беспмятства. Турм тратит немало сил, чтобы понять суть моего недуга, но, кажется, мы оба зашли в тупик. Видения приходят все чаще. Мои сны переполнены ими настолько, что, даже бодрствуя, я начинаю видеть то, чего не замечают другие. Мои сны — это... нити?.. Паутина? Раскол что-то надломил в моем уме, что-то сломал. Чем больше я думаю, чем больше провожу времени с Алым, тем сильнее во мне страх безумия. Мы много говорим с Турмом. Он считает, что я здоров, что во мне просто пробуждается что-то, что-то особенное. Быть может... Хочу в это верить, и совсем не хочу, чтобы старания этого человека пошли прахом, но что может смертный колдун, когда не справились лучшие эльфийские чародеи?

Днем слишком жарко, слишком солнечно. Даже сиринторцы в это время стараются не выходить из тени. Я начал проводить эти часы в садах. Иногда Алый остается со мной до самого вечера, иногда приходит Блэкрог (от него вечно разит псиной) или кто-то из членов городского совета. Главный сиринторский шпик мне не доверяет (я ему тоже – оно и понятно почему), но по части вин у него отменный вкус. Этот человек редко приходит с пустыми руками. Остальные сиринторские шишки менее любезны, они ищут общения лишь для того, чтобы поглазеть на меня. Я для них что-то вроде чудесной зверушки: столь же опасной, сколь и любопытной. Ужасно докучает... Все пошло куда лучше, когда прибыли Крылатые. Всегда приятно увидеть соотечественников. Йериварис тоже Ан`Инарил. Я многое слышал о ней и о ее желании объединить орден под своим крылом. Это делает честь нашему Дому. Если что-то случится с Йорой, я заберу ее сына под свою опеку. Пускай в Орелосе и есть доля людской крови, но он тоже Ан`Инарил – мой собрат.

Время от времени мы с Йорой и Алым вместе пьем вино и играем в «Битву Королей»... уже и не помню, когда позволял себе подобную беспечность! Турм весьма неплохой игрок, тогда как Йериварис пришлось учиться всему с самого начала. Впрочем, она схватывает налету. Порой партии с ней выходят уж слишком напряженными. Начинаю подозревать, что все дело в Кайлендросе (великолепнейшее создание!): в конце концов, связываясь с Крылатым, будь готов иметь дело и с его драконом. Все чаще меня посещает и Елена. Ее тоже волнует мое здоровье, впрочем, как и те соглашения, о которых мы говорили еще в Синоне. Разумеется, она нуждается в сильных союзниках и партнерах, особенно сейчас, когда Свободные Города на грани войны. Однако я тешу себя мыслью, что ее интерес ко мне обусловлен не только политикой. Мы все больше и больше времени проводим вместе. Все реже наши разговоры касаются лишь отношений Альдана и Сиринтора.

Госпожа Термет и впрямь обеспокоена грядущей войной, но я вижу, как она тянется ко мне, а быть может, и умышленно пытается разжечь во мне интерес, уповая на клинки Ан`Инарил. И она все чаще касается меня: легко и словно бы случайно, но все же слишком часто, чтобы счесть это за настоящую случайность. Забавно, я ведь и впрямь проникаюсь к ней симпатией. Не думал, что смогу возжелать смертную женщину! Впрочем, это не имеет никакого смысла. Даже если допустить до себя мысль о возможности подобной связи, это не доведет нас обоих до добра. Война зреет не только в Свободных Городах. Рано или поздно я вынужден буду вернуться в Альдан и сплотить Северные Дома. Если бы не королевский приказ, я бы уже давно связал себя браком с Имраэлис Аэн`Радэль. Юная Волчица тоже хороша, она чистых кровей и из благородного Дома, но... вопреки сказкам, влечет именно та женщина, что находится рядом.

Долг не позволит совершить мне глупость. Каждый вечер, проведенный в обществе Элены, я говорю себе об этом. Пока удерживает, однако, чем дольше это длится и чем раскрепощенней она себя ведет, тем труднее оставаться равнодушным. Благо переговоры о строительстве башни подходят к концу. Золото Ан`Инарил пойдет на исполнение достойного замысла. После века войн и катастроф мы должны держаться друг друга. Эльф и человек могут сосуществовать в мире, нужно лишь время и повод. Возможно, магия сблизит нас. Я буду ждать. Турм тоже. Он, как никто другой, понимает мое стремление к миру, его ведет схожая цель. Сиринторская Башня станет данью памяти всем тем, кто погиб при Расколе: не только магам, а всем, совершенно всем. Моему отцу, матери и брату тоже... Если все сложится удачно, куплю еще и виноградник в землях Сиринтора. Как бы ни хотел я мира, дома меня ждет новая война. Нужно безопасное место, куда я смогу отступить или отправить Имраэлис и ребенка, что она мне принесет. Даже если я погибну, сражаясь... нет... особенно если я погибну, род Грифонов не должен прерваться...».

Эссимар Ан`Инарил, князь Синона и Первый Грифон. Выдержка из хроник, найденных в поместье «Грифоново Гнездилище».

«История Высокого Волшебства», глава XXI «Алый Маг Сиринтора», ч. 3.1.

Библиотека пустела. Чем темнее и гуще становился сумрак за ее витражными окнами, тем меньше учеников и магов оставалось в этих мраморных залах. Теплая ночь манила чародеев во дворы и сады величавой крепости. Лето было в разгаре, и даже служители Спасителя не слишком утруждали себя разгоном младших членов Круга по спальням. В эти дни многое позволялось и многое сходило с рук. Мальчик с золотыми глазами все еще читал. Царящая вокруг тишина и безлюдье умиротворяли его. Минуты неспешно тянулись друг за другом, становясь долгими вереницами часов. Тянулись и строки, увлекая юнца за собой. Он так мало знал о мире, в котором жил! Мало о нем знали и жители Чертогов. Они веками собирали знания, по крупицам возвращая то, что утратили в пламени Раскола, и обретали новое, доселе невиданное, но... будто капля в океане! Смертной жизни не хватит, чтобы объять умом все то, что запечатлели чародеи и ученые Конклава, не хватит и его собственной жизни. Это вселяло тоску.

Когда златоглазый грустил, он чувствовал приближение своего незримого друга. Время не прекращало прятаться, но подходило чуть ближе, мягко окутывая худощавое мальчишечье тело теплыми крыльями. Тогда юнец забывал о его скоротечности, упиваясь каждым мигмом подобного единения. Может, так и ощущается подлинное бессмертие? Может, оно скрывается, как и Время, в этой славной Библиотеке? Юноша улыбнулся, золотые глаза блеснули весельем. Ни рог единорога, ни философский камень никогда не дадут человеку того, что может подарить клубок чернильных строк. Страница сменялась страницей, абзац абзацем. Иногда мальчишке казалось, что он и сам проживал то, о чем читал, что он был связан с теми людьми и нелюдями не только книжным знанием об их судьбах, но и чем-то

большим, куда большим. Он предугадывал события и узнавал в незнакомых именах старых друзей и недругов, он знал, чем все кончится, нервно кусая губу и вместе тем не желая остановиться.

Эта история – эта славная история – уже жила в нем, златоглазый это знал. Еще он знал, какова она, хоть и читал эту книгу впервые. В груди щемило, объятия Времени дарили все то же благословенное тепло, однако их касания не могли унять нарастающую боль, только грусть, да и ту лишь отчасти. Нет стремления благороднее, чем стремление к миру, нет большей добродетели, чем сострадание, но человек (человек ли?), что так настойчиво шел к ним, все равно оступился. Алый – цвет пламени, цвет силы... и крови. Ее болезненные образы окружали мальчишку. Он видел кровь на рукавах одежд, видел ее на кончиках собственных пальцев, видел и на краях страниц, которых нежно касался. Видел и едва не плакал, понимая, чья это кровь. Только чужой требовательный взгляд не позволял ему разрыдаться на месте. Чувствуя на себе чужое внимание, юнец исподлобья глянул на старика-библиотекаря, что возвышался над ним:

- Ну, давай, иди уже отсюда, погоняйся за светлячками в саду с остальными малявками или займись еще какой чепухой, которую вы так любите! – ворчливо молвил библиотекарь, небрежно махнув рукой. Мальчик промолчал, не сдвинувшись с места.

- Иди, говорю, занимайся какими-нибудь глупостями! Хватит книжки читать! – с нажимом проскрипел старик, но златоглазый по-прежнему молчал, только взгляд его стал куда более непонимающим и удивленным.

- Тьфу, дикий волчонок! Ну и сиди тут, пока церковники не хватятся! Луны с тобой... – пробубнил библиотекарь и засеменял восвояси.

Волчонок... Нет, он не был волчком. Волчата орудуют клыками, а он когтями.

Златоглазый грустно вздохнул: как бы страшно и больно ни было, нужно закончить начатое.

«... Красноречивый пример падения благородного человека – в душе наверняка истого слуги Спасителя. Алый Маг Сиринтора – личность по праву выдающаяся и значимая для истории нашей величайшей державы. Он самоотверженно служил народу будущей Наварионской Империи, отдаваясь целиком и без остатка свершению дел достойных и угодных Спасителю. Мир, познавший ужасы Раскола, нуждался в подобных людях. Проявляя милосердие не только к своим согражданам, но и к иноземцам, Первый Чародей снискал славу и уважение многих своих современников, однако именно он и стал одним из ужаснейших примеров коварства и вероломства своей эпохи. Маги склонны к тщеславию и алчности, лишь преданное служение и следование путям Спасителя сдерживает их греховные натуры. Непросвещенность наших пращуров, не познавших тогда еще света бога истинного, и собственная гордыня погубили столь славного человека, коим и был когда-то этот чародей.

Магия не правит – лишь содействует, тому, кто по воле Спасителя ведет свой народ. Возжелав занять место главы правящего совета, Алый Маг предал Элену Термет – действующую на тот момент правительницу Сиринторской Республики. Окутав государство сетями бесчестных интриг и собрав вокруг себя вдоволь мятежников, он двинулся на столицу, но, покинув собственное войско, присоединился к защитникам. Нечестивые твари, сотворенные его руками из тел животных и зверолодей, несли хаос на улицы Сиринтора, пока верные защитники города лили кровь обезумевших мятежников. Пользуясь неожиданностью, неосведомленностью всех прочих участников восстания и царившими в городе беспорядками, Первый Чародей вернулся во дворец городского совета, где и застал госпожу Термет, что беззаветно доверяла своему избраннику. Сама мысль о заключении брака с колдуном порочна и достойна лишь порицания, однако в те мрачные и непросвещенные времена подобное принималось обществом: многие сиринторцы радостно ожидали свадьбы госпожи Термет и Алого Мага. Эта

